

Охранители интересов народной школы.

Будущему историку народного образования въ нашей родной странѣ не разъ, вѣроятно, придется заглядывать въ лѣтописи различныхъ земскихъ собраний, извѣстныхъ подъ скромными именами журналовъ, протоколовъ, отчетовъ и т. п. и здѣсь находить истинныя причины не только всѣхъ успѣховъ дѣла народнаго образования въ нашей странѣ, но и цѣлые ряды тѣхъ препятствій, съ которыми боролись и борются истинно земскіе люди. Въ этихъ лѣтописяхъ за послѣдніе годы историкъ легко можетъ замѣтить постоянную борьбу земства съ представителями министерства, и такая борьба, вѣроятно, не прекратится еще долго, до тѣхъ поръ, пока завѣдываніе дѣломъ народнаго образования не перейдетъ въ одни чьи-либо руки—земства или министерства. Многіе почтенные педагоги (Миропольскій) полагаютъ, что представители министерства—инспектора—отнюдь не могутъ вредить успѣхамъ дѣла народнаго образования, а напротивъ, какъ истинные руководители, должны стать дружными товарищами земскимъ людямъ и совмѣстно идти къ достиженію одной и той же цѣли—къ поднятію умственнаго и нравственнаго уровня нашего народа.... Какъ ни увлекательно такое тѣсное сближеніе инспекціи съ земскими людьми, преданными дѣлу народнаго образования, тѣмъ не менѣе это сближеніе не осуществ-

имо, въ дѣйствительной жизни по многимъ причинамъ. Лучшимъ примѣромъ въ этомъ случаѣ можетъ послужить страница изъ исторіи народной школы въ одномъ изъ уѣздовъ нашего юга России *). По словамъ бердянской уѣздной управы, дѣло народнаго образованія въ уѣздѣ шло довольно изрядно до появленія особаго для уѣзда инспектора, назначеннаго министерствомъ по ходатайству самого же земства. До этого времени правильность веденія школьнаго дѣла была установлена инструкціями училищнаго совѣта и управы. Эти инструкціи подробно трактовали о порядкѣ преподаванія съ распредѣленіемъ предметовъ курса начального училища по годамъ обученія и съ указаніемъ даже руководствъ. Было точно опредѣлено время начала и окончанія ученія, точно также ясно были установлены отношенія учителя къ школѣ и къ земству. Опытъ показалъ, говоритъ управа, что правила, изложенныя въ инструкціи, принесли свои хорошіе результаты: „Въ школахъ (стр. 210 постан. берд. общ. собр.) водворилась дисциплина; преподаватели, придерживаясь при обученіи указанныхъ росписаній, правильно раздѣлили учениковъ на классы, а одновременно начала ученія и приѣма учениковъ дала возможность учителю вести правильное преподаваніе“.... Но только лишь земство начало любовать-

*) Постановленія бердянскаго очереднаго собранія созыва съ 15 по 21 октября 1880 года. Бердянскъ 1881 г.

ся порядкомъ въ своихъ школахъ и однообразнымъ школьнымъ веденіемъ дѣла въ уѣздѣ, какъ встрѣтила препятствія со стороны инспекторскаго надзора: инспекторъ призналъ незаконными правила, изданныя училищнымъ совѣтомъ, и сдѣлалъ новыя распоряженія, не имѣвшія никакой системы, такъ что „учителя положительно растерялись, какъ имъ поступать“. Училищный совѣтъ заявилъ протестъ противъ дѣйствій инспектора, но таковой (протестъ) остался безъ уваженія. Наконецъ, само земство, въ 1877 г., возбудило ходатайство о томъ, чтобы школы „не были оставлены безъ подробной программы о порядкѣ преподаванія и о времени начала и окончанія ученія“. Ходатайство земства осталось безъ отвѣта. Инспекція ввела свои правила и въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма оригинальныя. По прежнимъ правиламъ, учебныя пособія посылались въ школы чрезъ училищный совѣтъ при спискахъ, засвидѣтельствованныхъ подписью инспектора или члена совѣта. Инспектору бердянскаго уѣзда такой порядокъ, по словамъ управы, показался мало гарантирующимъ и вотъ онъ „вздумалъ на книгахъ, выписанныхъ по списку, имъ же утвержденному, дѣлать собственноручныя надписи или наклеивать ярлыки съ подписью: когда книги посылаются и съ чьего разрѣшенія“. Для училищъ выписывалось до 15,000 экземпляровъ разныхъ книгъ—возможно представить себѣ какимъ производительнымъ трудомъ сталъ обременять

себя г. инспекторъ! „Эта формальность“ продолжаетъ далѣе отчетъ управы, придуманная инспекторомъ, повела къ тому, что тюки съ книгами, предназначенными для отсылки, задерживались, инспекторомъ по дѣлымъ недѣлямъ и больше и въ концѣ концовъ переищивались такъ, что инспекторъ, видя самъ эту путаницу, формально просилъ управу о присылкѣ къ нему людей для разбора книгъ и для новой заѣлки ихъ въ тюки!“

Такое стремленіе инспектора охранить школы отъ возможнаго наплыва неодобренныхъ книгъ исключительно вызвано строгимъ предписаніемъ слѣдить за содержаніемъ смысла книгъ, дабы предупредить развитіе въ крестьянской средѣ тлетворныхъ идей и началъ современнаго смутнаго времени. Дѣло, конечно, похвальное; только способъ выполненія его оказался непрактичнымъ, да и неумѣстнымъ: разъ книги прошли чрезъ горнило цензуры, тѣмъ самымъ они признаны правительствомъ дозволенными къ употребленію въ народныхъ школахъ, другихъ же книгъ училищный совѣтъ не можетъ и не имѣетъ права выписывать.... Недовѣріе къ училищному совѣту тоже, конечно, возможно, но зачѣмъ же недоовѣріе простирать даже по отношенію къ своему собственному списку, по которому и были выписаны книги? Все это, нѣтъ сомнѣнія, объясняется стремленіемъ быть вѣрнымъ стражемъ и буквальнымъ исполнителемъ требованій министерства, такъ какъ это по-

слѣднее вручило инспекціи полную заботу, на правахъ попечителя, о томъ, что можетъ и чего не долженъ читать нашъ народъ.... Такая охрана народной чистоты и непорочности у нѣкоторыхъ инспекторовъ, бывшихъ въ бердянскомъ уѣздѣ, доходила до крайне смѣшныхъ и невѣроятныхъ размѣровъ. Изъ рапорта попечителя малотокмакскаго земскаго училища, П. Шапрана, помѣщеннаго въ тѣхъ же постановленіяхъ бердянскаго земскаго собранія (откуда мы заимствуемъ всѣ вышеизложенные факты), выяснился слѣдующій поступокъ инспектора: видя, что помѣщеніе школы весьма тѣсно и не можетъ вмѣстить 92 учениковъ, инспекторъ во время одного своего пріѣзда „таскалъ учениковъ за руки изъ-за скамьи, а нѣкоторыхъ дѣтей выталкивалъ въ плеча; на дѣтскій испугъ и плачь отзывался: ступайте домой и плачьте предъ родителями!“ Объ этомъ необычномъ фактѣ земское собраніе желало довести до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія. Кромѣ того подобное отношеніе инспектора къ школѣ и ученикамъ вызвало бурю неудовольствія среди мѣстнаго населенія, которое заявило попечителю, что „если выгонять дѣтей, то лучше закрыть вовсе училище и выгнать всѣхъ, такъ какъ права крестьянъ на обученіе для всѣхъ одинаковы!“ Знаменательна при этомъ фраза почтеннаго инспектора: „ступайте домой и плачьте предъ родителями“.... Что этою фразою думалъ сказать строгій педагогъ испуганнымъ дѣтямъ? Неуже-

ли этою фразою онъ хотѣлъ сказать: идите и плачьте предъ родителями; теперь вѣдь дѣтей можно выгонять изъ школы даже изъ-за каприза и недальновзоркости начальства, несумѣвшаго заранѣе предупредить въ школѣ непомѣрное скопленіе учениковъ. Вдумываясь серьезно въ смыслъ этой фразы, невольно спросишь себя: что въ ней скрыто? И неужели г. инспекторъ, произнеся эту фразу, не почувствовалъ укора совѣсти въ своемъ казенномъ сердцѣ? Должно быть, нѣтъ, такъ какъ новые эпизоды изъ его дѣятельности вполне подтверждаютъ такое предположеніе. Особенно интересенъ слѣдующій фактъ. Инспекторъ присылаетъ въ уѣздную (бердянскую) управу заявленіе о томъ, что она безъ его согласія, вопреки 18 ст. положенія о нач. народн. учил., опредѣлила одну учительницу г-жу Г.... въ копанское училище, а потому онъ такое распоряженіе управы, какъ незаконное, „считаетъ недѣйствительнымъ о чемъ имъ дано знать, кому слѣдуетъ“. Оказалось, по наведеннымъ справкамъ, что г-жа Г.... *опредѣлена съ согласія инспектора, о чемъ управа имѣетъ формальную бумагу*. Понятное дѣло, что управа въ этомъ смыслѣ и отвѣтила инспектору. Отвѣтъ управы нисколько не смутилъ инспектора и онъ на ономъ сдѣлалъ такую помѣтку: все это произошло по винѣ письмоводителя, который, въ данномъ случаѣ, оказалъ ему медвѣжьёю услугу, почему онъ и проситъ возвратитъ ему первое отношеніе.

Управа, конечно, не возвратила заботливому инспектору и разсѣянному писмоводителю требуемой бумаги, вѣдѣствіе чего получила новую бумагу отъ г. инспектора съ заявленіемъ, что если управа въ *трехдневный срокъ* не возвратитъ ему отношенія, то онъ *будетъ требовать* *исковымъ порядкомъ* съ *возбужденіемъ уголовного преслѣдованія противъ виновныхъ*. Сурово, но вполне справедливо! Донесъ, кому слѣдуетъ, на управу, а затѣмъ, дабы скрыть свою ошибку, прибѣгъ къ угрозамъ гражданскаго и уголовнаго свойства!

Къ числу другихъ куріозныхъ дѣяній инспектора школъ бердянскаго земства слѣдуетъ отнести еще циркуляръ его учителямъ за № 101 о томъ, чтобы они (учителя), при посѣщеніи школъ г. инспекторомъ, не смѣли возбуждать никакихъ вопросовъ, а должны обращаться къ нему письменно съ соблюденіемъ порядка подчиненности.

Крайне интересно было бы познакомиться со всѣми остальными циркулярами г. инспектора, и посмотрѣть: чѣмъ они разнятся отъ циркуляра № 101! Мы, конечно, незнакомы съ содержаніемъ всѣхъ сихъ циркуляровъ, но имѣемъ возможность познакомить еще съ однимъ изъ нихъ. Такъ бердянской городской управѣ, напр., г. инспекторъ, въ бумагѣ за № 84, отъ 25 февраля, пишетъ: „Въ виду того, что лучшая школа для развитія въ дѣтяхъ эстетическаго вкуса, смысла и пониманія есть театръ, (а потому) я распорядился, чтобы дѣти городскихъ начальныхъ училищъ (въ этихъ училищахъ 623 мальчика и 280 дѣвочекъ) каждый по-

недѣльникъ собирались въ театръ для совмѣстнаго пѣнія и упражненія въ ручной гимнастикѣ, въ 12 часовъ дня“.

Принтересноераспоряженіе! Въ немъ скрытъ глубокий смыслъ педагогическаго генія: театръ есть лучшая школа для развитія эстетическаго вкуса и эстетическаго пониманія. Такого результата почтенный педагогъ думаетъ достигнуть упражненіями въ ручной гимнастикѣ въ 12 часовъ дня!?! Факты почти невѣроятные; но тѣмъ не менѣе они не выдуманы нами, они существуютъ и будутъ существовать до тѣхъ поръ, пока не измѣнится коренное заблужденіе о безусловной пользѣ и необходимости *самостоятельныхъ* распоряженій инспекціи въ интересахъ, якобы, народнаго образованія. Всѣ эти и подобные факты не разъ еще могутъ повториться въ исторіи нашей народной школы, пока дѣло народнаго образованія не будетъ передано, надѣмся, въ надежныя руки земства. Необходимо, чтобы дѣло народнаго образованія стало дѣломъ живымъ, а не исключительно бумажнымъ; для этого слѣдуетъ на народную школу посмотрѣть иными глазами—не нужно видѣть въ ней расадника и источника тѣхъ злонамѣреній противъ религіи, государства и общества, каковыя иные инспекторы нерѣдко усматривали и усматриваютъ. Школа есть источникъ добра и всего хорошаго: она одна лишь кладетъ въ юномъ дѣтскомъ организмѣ прочныя основы святой религіи, чувство долга и сознанія правъ и обязанностей. Не школа по своему существу вноситъ развращающее вліяніе въ народную среду,

но плохіе исполнители предначертаній закона и правды. Что могутъ внести въ сферу школьной жизни такіе бюстители народной школы, какимъ заявилъ себя инспекторъ бердянскаго уѣзда? Что можетъ сдѣлать для школы ея ближайшій печальникъ—учитель, когда ему строго запрещено при посѣщеніи школы инспекторомъ возбуждать какіе бы то ни было вопросы? Что долженъ чувствовать учитель, когда въ одномъ посланіи господинъ инспекторъ укоряетъ его „за несамостоятельность убѣжденія, за неустойчивость, безхарактерность и за отсутствіе мужества“, а въ другомъ—грозитъ „стереть съ лица земли однимъ почеркомъ пера“?*)

Конечно, учитель забытый и запуганный угрозой стереть его съ лица земли, потеряется и не будетъ знать, что ему дѣлать въ такомъ случаѣ и повѣдетъ свою школу безъ всякой самостоятельной мысли, дабы не испытать удовольствія быть истертымъ въ мелкій порошокъ. Въ результатѣ получится, безъ сомнѣнія, плачевное состояніе успѣховъ учениковъ...

Конечно, не всѣ учителя могутъ выдержать такую субординацію и нерѣдко покидаютъ вскорѣ то дѣло, которому готовы были служить вѣрой и правдою; иногда, впрочемъ, они проявляютъ попытки слабаго протеста, которыя однако всегда оканчиваются не въ пользу учителя. „Одинъ учитель, говорится въ докладѣ управы**), „прослужившій 10 лѣтъ и ведшій школу образцово, вздумалъ принести жалобу директору, что

инспекторъ, пробывъ въ его школѣ всего полчаса, въ отчетѣ своемъ призналъ его вовсе неспособнымъ; но такая жалоба имѣла тотъ исходъ, что учителю сдѣлано замѣчаніе“.

При такихъ условіяхъ дѣло народнаго образованія не можетъ идти успѣшно и нѣтъ ничего удивительнаго, что земскіе люди, замѣчая такую ненормальность школьнаго дѣла, всѣми силами стремятся расширить свои права на пользу самаго дѣла, во имя сохранения въ народѣ основъ религіи, чувства долга и строгаго выполненія обязанностей передъ закономъ...

Вотъ почему бердянское земство предполагаетъ ходатайствовать, „чтобы во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ (народныхъ школахъ), содержащихся на средства земства, выборъ педагогическаго персонала и допущеніе къ должностямъ принадлежали исключительно земству съ тѣмъ, что въ отношеніи правоспособности лицъ педагогическаго персонала къ занятію мѣстъ, земство исполняетъ всѣ правила, какія будутъ установлены по этому предмету и сообщены въ руководство земству министертвомъ народнаго просвѣщенія. Окончательное же утвержденіе въ должностяхъ принадлежитъ училищному совѣту, которому также должно принадлежать увольненіе учительскаго персонала за проступки по должности“.

„Руководство педагогическою частью должно принадлежать училищному совѣту и инспектору народныхъ школъ, но земство должно имѣть право не только полного завѣдыванія хозяйственною частью, но и право про-

вѣрки чрезъ своихъ членовъ или уполномоченныхъ на то лицъ, всей учебно-воспитательной части содержащихся въ учебныхъ заведеніяхъ“.

Многіе, быть можетъ, отнесутся скептически къ отвагѣ земства взять на себя педагогическій контроль школьнаго дѣла. Земство, скажутъ намъ, не имѣетъ лицъ, специально для того подготовленныхъ, и потому, очевидно, отъ такого надзора трудно ожидать какой-либо существенной пользы. Подобное заключеніе будетъ крайне неосновательно: выполняетъ же земство различныя техническія сооруженія, гдѣ безусловно необходимо спеціальныя знанія и глубокое знакомство съ дѣломъ! Почему же въ этомъ случаѣ земство не можетъ найти лицъ, специально знакомыхъ съ дѣломъ народнаго образованія, съ правильною постановкою организаціи народной школы? Почему же инспектора, прослужившіе многія лѣта въ качествѣ учителей уѣздныхъ училищъ и различныхъ надзирателей, могутъ лучше выполнить свои обязанности въ дѣлѣ наблюденія и контроля земской школы? Очевидно—нѣтъ никакихъ основаній давать преимущество вторымъ, отвергая не только знаніе, но подѣ часть и добросовѣстность первыхъ. Какъ бы то ни было, современное положеніе школьнаго дѣла въ каждомъ уѣздѣ той или иной губерніи таково, что необходимо для пользы дѣла оставить одного лишь хозяина, на которомъ должно лежать завѣдываніе дѣломъ народнаго образованія и воспитанія—будетъ ли то земство или инспекція. Безъ этого условія наши школы не

могутъ приносить той пользы, какой отъ нихъ можно ожидать: у семи нянекъ дитя всегда безъ глазъ! Мы, лично, склоняемся въ пользу предоставленія дѣла народнаго образованія земству, такъ какъ инспекція попыткой многихъ лѣтъ доказала свою несостоятельность и неумѣніе вести правильно дѣло народнаго образованія, преслѣдуя постоянно не развитіе умственныхъ и нравственныхъ силъ народа, а исполняя лишь полицейскія обязанности, постоянно запугивая скромныхъ тружениковъ угрозами стереть съ лица земли... Не такіе бюстители интересовъ народной школы намъ нужны! Не только въ бердянскомъ уѣздѣ но и въ другихъ мѣстахъ многіе изъ нихъ оказались далеко несостоятельными. Но сдѣлаемъ уступку. Допустимъ, что земство при современныхъ условіяхъ школьнаго вопроса не можетъ взять въ свои руки дѣло народнаго образованія, должно предоставить его всецѣло заботамъ инспекціи. Въ такомъ случаѣ ему, земству, надо оставить самое широкое право, путемъ печати и гласности, указывать на всѣ тѣ недостатки въ школьномъ дѣлѣ, какіе порождены современными охранителями народной школы. Пусть земство станетъ въ сторонѣ и въ качествѣ лишь наблюдателя заносить въ свои лѣтописи факты дѣятельности инспекторскаго надзора;—будущее положитъ свой приговоръ: кто правъ и кто виноватъ?

Н. О. Фесенко.